

Перемена пространства

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Говорили, что если русские мужчины такие, то надо срочно ехать в Россию.

— Кстати, во всех странах спектакль играется с переводом. Этот перевод издается или нет?

— Издается. Во Франции и Германии это все переведено и издано, это издано и в журнальных вариантах Польши, Югославии, Финляндии, Швеции, Бразилии.

— В какой-то момент вы из театра "Школа современной пьесы" перешли в клуб "Огород", потом из клуба — в Центр Мейерхольда. Сейчас это — МХАТ имени Чехова...

— Сами спектакли я с места на место не передвигаю. Это было бы плохо по отношению к самому спектаклю и неправильно по отношению к публике. В театре должна быть какая-то солидность, условно говоря, он не должен метаться по театральной Москве. А сам я могу перемещаться. Это обусловлено определенными художественными требованиями. "Спектакль, который не получился", который так называется, не может играть в регулярном театре, где есть вешалка, касса, афиша перед входом. В спектакле "Осада" пьеса формируется на уровне текста вместе с актерами во время репетиций. Нужно, чтобы это выглядело не

как эксперимент, не как странный, андеграундный опыт, это должно выглядеть очень солидно и продемонстрировать свою продуктивность. То есть в итоге должен быть нормальный спектакль. Где должен находиться нормальный спектакль? Во МХАТе, потому что это в сознании, даже моем, главный театр страны и уж точно не экспериментальная площадка. Центр Мейерхольда — совершенно чистое пространство, без традиционных театральных признаков, его можно наполнить чем угодно.

— Может, переход из одного пространства в другое диктует и новые проекты? И если бы "Дредноуты" не оказались

в клубе, не было бы проекта с группой "Бигуди".

— Я не задумывался над этим, но это наверняка так. В этом есть генезис определенный, потому что, когда я играю в "Огороде", я разрешаю публике курить, выпивать.

— Вы же сами не курите?

— Не курю.

— Не раздражает?

— Я дым пускаю из дым-машины, это все равно больше, чем все курильщики, которые там собрались. Нет, конечно, раздражает, мне не нравится, когда курят... Но я говорю публике: "Можете курить, если вам позволят соседи". Бывают спектакли, в течение которых никто не курит. А быва-

ют спектакли, когда курит половина зала почти непрерывно. Все равно в клубе нельзя никогда добиться той театральной тишины, которую страшно нарушать. Клуб — шумное место. Там шумит кухня, там звякают посудой официанты, там стулья двигаются, там люди себя чувствуют иначе. Но этот шум, гул — он и есть тишина. А музыкальный клуб дает еще большие возможности. Момент, когда люди едят или танцуют, тоже является признаком такой вот тишины. Если бы я не испытал того, что я испытал в "Огороде", играя спектакли в таком шумном месте, я не смог бы выйти в музыкальном клубе даже с группой. ■